

Глава 43

Неужели он говорит с ним?

Янь Чао видит его?

И почему он вдруг стал слышать голоса?

В голове Сун Бай Сюя теснилось слишком много вопросов. Он в нерешительности замер, собираясь что-то сказать, но в этот момент Янь Чао, опираясь на спинку дивана, приподнялся. Его взгляд прошел сквозь Бай Сюя и устремился к дверям.

Сун Бай Сюй инстинктивно обернулся и увидел входящего Сун Яня, облаченного в строгий деловой костюм.

Тот остановился у дивана и склонился, намереваясь поцеловать Янь Чао, но юноша резко отстранился. Всё его тело буквально кричало об отвращении к Сун Яню, хотя лицо по-прежнему хранило холодное, мертвенное спокойствие, подобное глади заброшенного колодца.

Бай Сюй заметил, как Сун Янь нахмурился; его губы зашевелились, но слов было не разобрать. Лишь по мимике удалось едва угадать окончание фразы: «...тебе обязательно вести себя так?»

Зато голос Янь Чао он слышал отчетливо — или, вернее будет сказать, он слышал только его голос. Холодный, отстраненный, пронизанный нескрываемой болезненной слабостью.

— Когда ты стоишь передо мной, меня начинает тошнить.

Сун Янь бросил взгляд на столик, где стояла почти нетронутая тарелка с кашей. Гневная складка между его бровей медленно разгладилась, сменившись выражением снисходительной, почти нежной беспомощности.

Сун Бай Сюй изо всех сил пытался прочитать ответ по его губам: «Поправляйся скорее... свадьба уже близко».

Свадьба?

Сун Янь и Янь Чао?

Что за нелепый, пугающий сон...

Подождите.

Откуда он вообще знает, что это сон?

Чем больше Сун Бай Сюй раздумывал об этом, тем сильнее его охватывал безотчетный ужас. Он обхватил себя руками, не в силах отвести глаз от разыгрывающейся сцены.

На его глазах Сун Янь наклонился и сдержанно, почти с благоговением поцеловал Янь Чао в лоб. В следующую секунду юноша с силой оттолкнул его и, согнувшись над корзиной для мусора, зашелся в мучительном приступе рвоты. Его рвало долго, пока вместе с желчью не показались алые прожилки крови.

Должно быть, он поперхнулся, потому что вслед за этим последовал тяжелый, надрывный кашель. Когда он наконец затих, в уголках глаз и на веках Янь Чао расплылся странный, пугающе яркий румянец. Слезинки, рожденные судорожным кашлем, задрожали на ресницах и сорвались вниз, оставляя влажные дорожки на щеках.

Он увернулся от руки Сун Яня, сам вытер кровь с губ тыльной стороной ладони и, прополоскав рот чистой водой, выдохнул с изнуренным бессилием:

— Уходи.

В глазах Сун Яня на миг вспыхнула ярость, но, глядя на то, с каким трудом дышит Янь Чао, он промолчал. Спустя пару секунд он заговорил — так нежно, что от этого голоса по коже Бай Сюя пробежали мурашки.

— Отдыхай. Завтра я привезу людей, чтобы снять мерки для свадебного костюма.

Почему теперь он снова слышит Сун Яня?

Сун Бай Сюй замер у стойки для капельницы. Вихрь противоречивых чувств и обрывочных мыслей спутывался в его сознании в тугой узел, который он никак не мог распутать.

***

Когда лекарство в капельнице почти закончилось, Янь Чао небрежно выдернул иглу. Не обращая внимания на выступившую кровь, он позволил ей стекать по кисти к самым кончикам пальцев. Зайдя в ванную, он просто сполоснул руку холодной водой.

«Так нельзя... можно же занести инфекцию», — тихо запричитал Сун Бай Сюй, следуя за ним по пятам.

«Брат... почему ты в этом сне совсем не умеешь о себе заботиться?»

Янь Чао сбросил испачканную одежду. В одной футболке его тело казалось еще более исхудалым и хрупким. Но внимание Бай Сюя мгновенно приковал шрам на его левом запястье.

След от глубокого пореза, явно нанесенного чем-то острым, выглядел затянувшимся совсем недавно. Он пересекал почти две трети запястья, и не трудно было догадаться, насколько тяжелой была эта рана.

Или... насколько отчаянным был удар.

Неудавшееся самоубийство.

Это слово вспыхнуло в мозгу Сун Бай Сюя, заставив его зубы мелко застучать от дрожи. Пальцы с силой впились в ладони.

Какую же боль нужно было испытывать, чтобы решиться на такое?

Янь Чао оперся руками о край раковины и какое-то время всматривался в свое отражение. Затем он опустил глаза, обвел взглядом туалетные принадлежности и, наконец, остановился на ванне.

«Нет... только не это».

В душе Бай Сюя внезапно вспыхнуло дурное предчувствие. К счастью, в следующую секунду Янь Чао вышел из ванной комнаты. Но облегчение оказалось преждевременным.

Вернувшись в комнату, Янь Чао надолго замер у панорамного окна. Он смотрел вниз, на сияющий ночной город, но в его глазах не отражалось ни единого огонька. Его взгляд, холодный и неподвижный, напоминал две стеклянные бусины.

Сун Бай Сюю показалось, что если бы окно можно было открыть, Янь Чао, не колеблясь, шагнул бы в бездну. В нем не осталось ни капли желания жить.

«Брат... как ты стал таким? Из-за Сун Яня?»

Происходило ли это на самом деле или...

Бай Сюй стоял за спиной Янь Чао. Ему нестерпимо хотелось обнять его — даже если бы его руки прошли сквозь пустоту, он просто хотел коснуться его. Но стоило его пальцам коснуться плеча Янь Чао, как мир вокруг внезапно исказился.

Сцена закружилась перед глазами, словно брошенная в центрифугу, и Бай Сюй почувствовал

себя вещь, которую безжалостно выжимают. Когда безумное вращение наконец прекратилось, он с трудом открыл глаза. Первое, что он увидел, была ослепительная, туманная белизна.

Сильный ветер взметнул светлые шторы и бросил их обратно.

Увиденное заставило сердце Сун Бай Сюя почти остановиться.

Берег моря. Свадебная церемония, утопающая в белых розах. В этой атмосфере чистоты, грез и непорочности, в священный момент обмена кольцами, Янь Чао сжимал в руке серебряный нож. И этот нож, без малейшего колебания, вонзился точно в сердце Сун Яня.

Сун Янь всё еще держал кольцо, собираясь надеть его на безымянный палец Янь Чао. Но когда по груди разлилась острая, невыносимая боль, символ вечного счастья выскользнул из его пальцев и со звоном упал на пол.

Он ошеломленно смотрел в лицо Янь Чао, затем перевел взгляд на рукоять, торчащую из груди. На его стремительно бледнеющем лице застыло полное непонимание: он не мог осознать, почему человек, мгновение назад сказавший «согласен», совершил это.

Все гости замерли в оцепенении. Первым пришел в себя Гу Чжици. Сорвавшимся голосом он выкрикнул имя друга и в несколько прыжков преодолел расстояние до алтаря. Подхватив оседающее тело Сун Яня, он яростно закричал застывшему в ужасе священнику:

— Вызывай скорую! Быстро!

Сун Янь, опираясь на руки Гу Чжици, беззвучно шевелил губами, с трудом выдавливая единственное слово:

— ...Почему?

Янь Чао не ответил. Он смотрел на него сверху вниз, и его глубокие темные глаза по-прежнему были спокойны, но это не было застойным спокойствием мертвой воды. В его взгляде появилось некое свечение, исчезла та пугающая, механическая холодность.

В его руке откуда-то взялся осколок стекла, до крови изрезавший ладонь.

Сун Янь судорожно ловил ртом воздух. Он только успел выдохнуть «А-Чао, не надо...», как Янь Чао резким, отточенным движением полоснул себя по шейной артерии.

Меньше чем за полминуты его одежда пропиталась кровью. Под безумным, полным отчаяния взглядом Сун Яня, прижимавшего руки к ране в сердце, Янь Чао отступил на несколько шагов

и перемахнул через перила.

Словно белая птица с подрезанными крыльями, он вырвался из долгого плена и ценой смерти обрел свободу, падая с небес прямо в объятия океана.

Сун Бай Сюй сам не понимал, как смог досмотреть это до конца, и как он последовал за Янь Чао в эту бездну. Находясь в каком-то полузабытьи, он почувствовал, как они вместе стремительно падают вниз.

«Есть ли у призраков ускорение?» — эта неуместная, странная мысль промелькнула в его затуманенном сознании.

— Прости.

Он увидел, как губы Янь Чао беззвучно сложились в эти слова.

Он... говорит это ему?

Сун Бай Сюй замороженно смотрел на Янь Чао. Тот не должен был его видеть, но по этому взгляду юноша был уверен: они смотрят друг другу прямо в глаза.

Падение было стремительным, но время между ним и Янь Чао словно замедлилось. Он видел, как в этих глазах закипает едва различимая, туманная дымка. Взгляд Янь Чао был полон такой невыносимой печали, что сердце Бай Сюя словно сжала невидимая рука. Боль была такой острой, что он тоже не выдержал и заплакал.

***

Тебе никогда не нужно просить у меня прощения.

Ты ведь ни в чем не виноват.

Он еще не знал предыстории того, что увидел во сне, но это было неважно. Сун Бай Сюй просто хотел обнять его и сказать: «Всё хорошо, брат, это не твоя вина».

Но...

Зрение затуманилось. Он попытался дотянуться до тела Янь Чао, погружающегося в темную морскую пучину, но руки лишь хватали пустоту.

Шум ветра, плеск воды и звон разбитого стекла остались где-то далеко, а синева океана

сменилась непроглядной чернотой. Холод сковал всё тело; Сун Бай Сюй сжался в комок, чувствуя, как сознание окончательно растворяется в этой густой тьме.

***

— А-Сюй... А-Сюй?

Голос любимого человека, полный тревоги и заботы, вырвал его из забытья.

Открыв глаза, он увидел перед собой мягкий, расплывчатый янтарный свет. Ветер качнул легкую штору и затих.

Увиденное заставило дыхание Бай Сюя перехватить. Он инстинктивно коснулся лица — ресницы были мокрыми, он плакал во сне.

Теплые, мягкие пальцы коснулись его щеки, стирая слезы. Лицо Янь Чао постепенно обретало четкость. Он стоял у кровати, и свет ночника золотил его волосы и ресницы. В его глубоком, ласковом взгляде отражалось растерянное лицо Бай Сюя.

— Ты так сильно плакал... приснился кошмар? — Янь Чао, заметив, какими красными стали глаза его маленького парня, мягко спросил:

— Ты так сильно плакал... приснился кошмар?

Почувствовав, каким горячим стал лоб юноши, Янь Чао нахмурился:

— У тебя жар. Я сейчас принесу градусник.

В следующую секунду Сун Бай Сюй резко сел и крепко обхватил его руками. Он сжимал Янь Чао так сильно, будто разорившийся бедняк, внезапно обретший утраченное сокровище, или утопающий, ухватившийся за единственную соломинку. От этого объятия у Янь Чао даже заныли ребра.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он. Как когда-то в детстве, успокаивая плачущих младших, он начал мерно и ласково поглаживать юношу по плечу.

— Я... — голос Бай Сюя был хриплым и сорванным, он говорил, глотая слезы. — Мне приснилось... что тебя больше нет рядом.

Янь Чао почувствовал, как горячие слезы капают ему за шиворот. Бай Сюй, захлебываясь рыданиями, продолжал:

— Ты... ты падал прямо на моих глазах, а я... я никак не мог тебя поймать.

— Ты не видел меня, — его горло сжало спазмом. Сделав несколько судорожных вдохов, он прошептал: — А я не мог тебя найти.

— Брат, я не мог тебя найти...

— Это всего лишь сон, — в душе Янь Чао промелькнула смутная догадка. Он слегка отстранил Сун Бай Сюя и, заглядывая в его полные слез глаза, серьезно и нежно произнес: — А-Сюй, посмотри на меня. Я здесь, перед тобой. Ты никогда меня не потеряешь.

Но эти слова заставили Бай Сюя разрыдаться еще сильнее. Крупные слезы градом катились из глаз, оставляя темные пятна на одеяле.

— Но ты исчез... Мне было так страшно...

— Не бойся, — Янь Чао погладил его по влажной щеке. — Кошмары не сбываются, я обещаю.

Сун Бай Сюй закусил губу и снова прижался к нему. Он уткнулся лицом в шею Янь Чао, слушая ритмичный и сильный стук его пульса. Ему нужно было снова и снова убеждаться, что человек в его руках теплый, живой и настоящий. Только это приносило покой и умирало ужас, оставшийся после сна.

— Брат.

— М-м.

— А-Янь.

— Да.

— Янь Чао.

— Я здесь, — отозвался тот без тени нетерпения. — Не бойся больше, это был просто сон.

— Брат, ты должен жить, — Сун Бай Сюй немного отстранился и посмотрел ему прямо в глаза с каким-то отчаянным упрямством. — Что бы ни случилось, ты должен жить. Вместе со мной. Обещаешь?

— Обещаю, — Янь Чао на мгновение замолк, а затем добавил тверже: — Я обещаю тебе: я буду жить.

— Когда проснемся... давай сходим в храм, — Бай Сюй потер глаза. — Иначе мне будет неспокойно.

— Хорошо, — Янь Чао взглянул в окно, где небо затянуло тяжелыми тучами, предвещая скорую грозу. — Решим, когда выспишься.

— Выпей жаропонижающее, — он на секунду отвел взгляд, — ...и противовоспалительное. Иначе завтра будешь чувствовать себя совсем скверно.

— Ладно, — Сун Бай Сюй послушно разжал руки и принял лекарство из рук Янь Чао.

Когда эмоции немного утикли, он почувствовал навалившуюся тяжесть и слабость от жара. Укрывшись свежим одеялом, он осторожно зацепил мизинец Янь Чао своим:

— Брат... не уходи, пока я не усну, хорошо?

Он знал, что у Янь Чао сегодня еще много важных дел, поэтому не стал просить его остаться насовсем.

— Спи, — Янь Чао переплел свои пальцы с его. — Я не уйду.

Эти слова принесли Сун Бай Сюю долгожданное облегчение, и он спокойно закрыл глаза.

***

Убедившись, что его маленький парень крепко спит, Янь Чао осторожно высвободил руку и бесшумно вышел из комнаты.

Он вышел на террасу. Небо было иссиня-черным, в тяжелом влажном воздухе уже отчетливо пахло надвигающейся бурей. Янь Чао зажег сигарету — привычка, к которой он не возвращался уже очень давно. Он не курил, просто держал ее в руке, наблюдая, как крохотный огонек то разгорается, то гаснет на ветру.

— Седьмой, — позвал он. Его голос звучал ровно, но в нем слышалась затаенная, тяжелая горечь. — Почему в «оригинальной истории» ни разу не упоминалось имя Сун Бай Сюя?

Даже в том кошмаре его не было.